

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.73>

Артемьев Юрий Михайлович, Софронова Ирина Владимировна

Поэтика мифологизма в творчестве К. Иванова

Цель исследования - определить роль и значение поэтики мифа в произведениях классика чувашской литературы Константина Васильевича Иванова. Анализируются мифологические образы, мотивы, детали, используемые в его творчестве. Своеобразие поэтики мифа вызвано временем, в котором творил поэт, его художественными установками. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ элементов мифа в творчестве К. Иванова с определением их значения в народном представлении, выявляются причины их использования. Полученные результаты показали, что мифологизм позволяет усилить психологизм изображаемых ситуаций, воплотить черты романтизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/73.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 365-368. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

National Literatures of the Russian Federation

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.73>

Дата поступления рукописи: 03.11.2020

Цель исследования – определить роль и значение поэтики мифа в произведениях классика чувашской литературы Константина Васильевича Иванова. Анализируются мифологические образы, мотивы, детали, используемые в его творчестве. Своеобразие поэтики мифа вызвано временем, в котором творил поэт, его художественными установками. **Научная новизна** заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ элементов мифа в творчестве К. Иванова с определением их значения в народном представлении, выявляются причины их использования. **Полученные результаты** показали, что мифологизм позволяет усилить психологизм изображаемых ситуаций, воплотить черты романтизма.

Ключевые слова и фразы: поэма; К. Иванов; мифология; трагедия; романтизм.

Артемьев Юрий Михайлович, д. филол. н., проф.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доц.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
yumartemyev@yandex.ru; mixtar2@yandex.ru

Поэтика мифологизма в творчестве К. Иванова

Актуальность вызвана возрастающим интересом к проблемам взаимосвязи поэтики мифологизма и художественного творчества определенного автора в современном литературоведении. В разные периоды развития литературы писатели и поэты активно используют элементы мифологизма для создания своеобразного художественного мира. Они рассказывают об определенном мифологическом образе, пересказывают содержание мифологического предания согласно современным жизненным условиям и идеалам, используют определенный образ или деталь в художественном произведении как символ. К примеру, поэт М. Федоров, творивший в конце XIX века, в поэме «Арсури» («Леший», 1875) пересказывает сюжет мифологического предания. Писательница Н. Петровская сочетает национальный и библейский миф в повести «Хура ангел» («Черный ангел», 1999), романе «Тухатмаш» («Колдунья», 1987). В. Степанов в повести «Реципиент» (1997) использует особенности древнеегипетской мифологии и чувашскую реальность. Н. Ижендей в поэме «Суралман ача сасси» («Голос нерожденного ребенка», 1993) создает новый вариант чувашского мифа о происхождении *Арсури* (Леший). Изучением национальных особенностей мифологизма художественного произведения в настоящее время активно занимаются исследователи В. Г. Родионов [5], И. В. Софронова [7], Е. П. Чекушкина [9], Е. Р. Якимова [11].

В ходе работы потребовалось решение следующих **задач**: выявить значимые мифологические детали, мотивы, образы в творчестве К. Иванова; проследить соотношение традиций романтизма и поэтики мифологизма; проанализировать особенности мифологического времени; определить значение сакральных, магических текстов в произведениях классика.

В работе использовались следующие **методы исследования**: типологический, социокультурный и описание. Структурно-семантический анализ позволил осуществить аналитическое описание элементов мифологизма в произведениях К. Иванова.

Теоретической базой исследования послужили труды Е. М. Мелетинского [4], посвященные поэтике мифа, а также П. В. Денисова [2] и А. К. Салмина [6], в которых исследуются особенности чувашских религиозных верований.

Практическая значимость научной статьи заключается в том, что она дополнит материалы по ивановедению, результаты могут быть использованы в ходе изучения истории чувашской литературы и теории литературы, филологического анализа художественного текста в вузах, при исследовании жанровых форм и композиционных особенностей произведений.

Особенности использования поэтики мифологизма в произведениях К. Иванова исходят из того, что он жил и творил в тот период, когда в сознании чувашей доминировали мифологические представления, когда оно еще не было загружено христианскими и мировыми ценностями. К. Иванов изображает чувашский мир: деревня Сильби соответствует всему чувашскому миру, жизнь сильбиян олицетворяет прошлое и будущее всего чувашского народа. Описываются исконно чувашские религиозные представления, которые дошли до нас

благодаря трепетному отношению наших предков. В тексте произведений немало деталей, связанных с древними обычаями. В то же время поэта интересовали вековые проблемы, ценности, близкие всему человечеству. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, он нередко приходит к неординарным выводам и эсхатологическим проблемам, поэтому трагичны и судьбы главных героев его произведений.

Многие исследователи [8] при анализе произведений К. Иванова старались выявить признаки исторического времени. Умудрялись связать конфликт произведений с событиями Первой русской революции, политической обстановкой в стране. Однако в его творчестве не отражается влияние классовой борьбы или социального неравенства, не проявляются черты той эпохи, в которой он жил. События, действия, происходящие в трагедии «Шуйттан чури» («Раб дьявола», 1907) и поэмах «Тимёр тыла» («Железная мялка», 1907) и «Нарспи» (1907), нельзя привязать к какому-либо десятилетию, невозможно обнаружить следы какого-либо исторического события, признаки конкретного времени. Поэт, родившийся в начале XX века, переживший революционную бурю, не воспринимает жизненные трагедии современности, поэтому он ищет свой идеал в давно прошедших (вероятно, и будущих) днях. Очевидно, что К. Иванов был поэтом, который жил не только потребностями своего времени и писал не только на актуальные вопросы. Тщательное рассмотрение текстов его произведений возвращает нас к извечным темам, поэтике народного мифа. Борьба доброго и злого начал исходит от трагического мироощущения поэта. В то же время нужно учесть и то, что К. Иванов уделял внимание постижению своеобразия мировой литературы, интересовался традициями романтизма в творчестве российских и европейских авторов. Он также впитал в себя вековую мудрость, заключенную в текстах Библии и Евангелия, которую постиг при их переводе и редактировании.

В большинстве произведений К. Иванова основной конфликт происходит между близкими родственниками. При чтении обращает на себя внимание изображение враждебного отношения между ними, когда один причиняет боль другому или убивает родственника. В притче «Икё хёр» («Две дочери», 1907) отец отдает половину наследства хитрой и льстивой старшей дочери, но выгоняет из дома прямолинейную младшую дочь за правдивые слова. В поэме «Железная мялка» трагически заканчивается жизнь младшей снохи. Она отпрашивается у свекрови навестить родных и оказывается загубленной железной мялкой. Родственники остаются глухими к ее мольбам о помощи, не впускают в дом. В трагедии «Раб дьявола» старший брат убивает младшего из-за мешка золота, сам после этого сходит с ума. Во всех случаях судьба младшего из родственников завершается трагически.

В поэме «Нарспи» два близких друг другу человека, отец и дочь, становятся ненавистными врагами. Причина зарождения трагедии выражена в следующих строках: «Ашшё сирё хай хёрне, таван сирё тавана» [3, с. 140]. / «Дочь свою, дитя родное, погубил отец родной» (здесь и далее использован перевод П. Хузангая). Речь здесь идет о несчастной судьбе Нарспи, которую, разлучив с любимым Сетнером, против ее воли выдают замуж за Тхтамана. У чувашей, как и многих других народов, бытовала традиция женить молодых по усмотрению родителей. При этом молодые не смели ослушаться их. «Турă сырни ахăрах, шапла-тăр şав самани» [Там же]. / «Такова, знать, воля божья, знать, такие времена», – говорит автор, когда Нарспи увозят в деревню мужа Хужлгу. Трагедия, схожая с несчастной судьбой Нарспи, случалась во все времена. Женщины проживали свою жизнь рядом с нелюбимыми, боялись слухов и народной молвы, некоторые, не выдерживая подобной участи, умирали от душевного истощения. Автор в характере Нарспи выражает черты романтического героя, именно поэтому она не соглашается с такой участью. Бунт Нарспи, ее противостояние порядкам эпохи воспринимается как трагическая коллизия. Действия в поэме развиваются согласно законам трагедии.

Разногласия между родственниками, как нам кажется, не являются следствием подъема сил буржуазии или революционных трагедий в начале XX века, как утверждали некоторые исследователи [8]. Подобные ситуации были известны мировой литературе еще 2000 лет тому назад. Приведем отрывок из Библии, где пророк Михей говорит следующее: «Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка – против свекрови своей; враги человеку – домашние его» (глава 7, стих 6) [1]. Здесь особенно обращает на себя внимание слово «враг». Враг злой и беспощадный. В поэтической лексике К. Иванова он является антиподом слову «добро». «Ташман пуşне пётерме, икё вайла аллам пур...» [3, с. 102]. / «Погубить врага я смог бы, – есть могучих пара рук», – говорит Сетнер. Для Нарспи наизлейшим врагом является будущий муж Тхтаман. Романтический контраст дает возможность выстроить героев поэмы в антиподные пары.

Автор описывает Сильби как богатую деревню. Не вызывает сомнения, что большинство жителей здесь живут в достатке. Но как обстоят дела с их духовным миром? Что дороже для них: золото или человеческая душа? По этому поводу у Мигедера нет сомнений: если есть деньги, то душу можно купить или продать. А вот для Нарспи – «пунялхё анчах мар, ыр курасси сыннинче» [Там же, с. 182]. / «Не в богатстве благо; благо – в человеке, в нем самом». Следующая сторона конфликта – двоякая оценка значимости материального богатства и духовного богатства человека. Каждый герой при этом защищает свою правду.

Немаловажное значение в произведениях К. Иванова играют слова, тексты заговоров, заклинаний или благословений, вера в магическую силу слова. В «Рабе дьявола» братьев, ушедших на поле брани с целью наживы, настигает материнское проклятие. Проклинает и жена Мигедера свою непокорную дочь Нарспи и ее возлюбленного Сетнера. В этой ситуации срабатывает поверье в то, что зло возвращается к тому, кто проклинает невинные души. И в том, что поэма «Нарспи» заканчивается описанием четырех смертей, можно усмотреть проявление магической силы проклятия. В художественной концепции автора, без сомнения, присутствует и такая мысль. В эпоху, когда жил поэт К. Иванов, в сознании чувашского народа религиозно-мифологические поверья имели немаловажное значение. Из поколения в поколение передавалось представление о том, что только дети, заслужившие благословение родителей, предков, становились уважаемыми людьми. Благословение гарантировало надежду на счастливую жизнь, устойчивое положение в обществе.

На лице «проклятого» человека проявлялись следы несчастий. Во многих произведениях К. Иванова значение текстов проклятий и благословения соответствует их значению в народном сознании. Они оказывают влияние на судьбу героев. Несомненно, это связано с верой в силу ритуальной магии. Используя их, К. Иванов усиливает психологизм своих произведений. Не случайно судьба проклятой свекровью младшей снохи, которая на ночь глядя отправляется в дорогу, вызывает жалость.

В произведениях К. Иванова художественное время также является мифологическим. Оно, потеряв историческую конкретность, переходит в мифологическую реальность, рожденную воображением поэта. Течение времени подчинено мифологическим законам, оно покрывается видимостью тысячелетней давности. В поэме «Нарспи» поэт изображает один из циклов жизни сильбиян, который напрямую связан с жизнью природы, окружающего мира. Мифологическое время состоит из своеобразного цикла: весна, лето, осень, зима. За этот промежуток природа оживает, цветет, приносит плоды, увядает, а затем умирает. По мере того, как один цикл сменяется другим, происходит изменение мифологического времени, которое подчиняется хронологии. «Сознание чувашского народа живет еще по принципам земледельческого календаря. В мифологической памяти заложена ассоциация периодов жизни человека со сменой времен года» [6, с. 143].

В поэме движение художественного времени начинается в конце месяца марта. Весна вступает в свои права, солнце пригревает, природа оживает. В мире, проснувшись от зимней спячки, начинает пребывать свет. В этом немаловажную роль играет Солнце. В сознании народа немало мифологических представлений о нем. Автор в тексте слово «солнце» использует 40 раз, выражает тем самым веру в его магическую силу. «Чуваши, согласно своим древним традициям, в день весеннего равноденствия выходили встречать солнце угощениями, просили его поскорее очистить поля от снега» [2, с. 89]. С приходом весны начинаются посевные работы. В этот прекрасный период цветения автор сообщает, что в Сильби выросла красивая девушка с редким именем Нарспи. Отец уже успел ее сосватать. Жизнь деревни и жизнь окружающей природы, казалось бы, развиваются параллельно. Согласно этому, Нарспи должна была выйти замуж, родить ребенка. Так же и в природе – посеянные зерна прорастут, взойдут, и уродится хлеб. Но Нарспи не смогла выполнить свое предназначение, потому что ее принудили к браку с нелюбимым человеком.

В трагедии «Раб дьявола» мы видим двух братьев, которые обкрадывают тела мертвых бойцов. Но конкретно, в каком веке, в какой стране происходили эти варварские действия, указать невозможно. Профиль лица героев похож на чувашский, а в остальном использована абстрактная типизация для изображения действительности. Для поэта этого было достаточно, так как его творческая установка устроена таким образом. Главное для него – выявить философскую первопричину жизненных явлений и обстоятельств. Для поэта философское начало сокрыто в глубине души человека, борьбе Добра со Злом, а социально-исторический фон подчинен разрешению данного противостояния. Он как бы вторичен. Строки из поэмы «Нарспи» «Уқсапала эрехех сынна аһран калараһ» [3, с. 86]. / «Светлый разум омрачает страсть его к вину, деньгам» уместны для объяснения поступков двух братьев. Алчный человек продает душу дьяволу. Форма романтической трагедии позволяет автору размышлять о философских вопросах (добро и зло, жизнь и смерть), показать изнутри безграничность внутреннего мира индивидуального сознания, его добрые начинания.

Своеобразна образная система произведений К. Иванова. Мастерство поэта заключается и в том, что для его произведений нехарактерно использование принципов реалистической типизации. Особенно бросается в глаза отсутствие принципов индивидуализации. Образы в поэме «Нарспи» условно можно разделить на две группы: те, кто борется за человеческую свободу, и те, кто строго соблюдает вековые традиции. Эти группы можно охарактеризовать как образное проявление доброго и злого начал. Вместо привычных типовых образов мы наблюдаем символы. Две группы противопоставлены друг другу по принципу контраста. Систему образов поэмы также можно проанализировать, используя принципы методологии семиотики, которая трактует их как знаки. К примеру, Нарспи – красивая, Сетнер – бедняк, скромный, Мигедер – богач, Тхтаман – злой, некрасивый. При создании образов поэт избегает полутонов. По мере развития сюжета ни один из них не меняет свою структуру, только наблюдаем их проявление в различных комбинациях. Не происходит развития или изменения характера, подобно реалистическому искусству. К. Иванов отдает предпочтение способам романтической типизации героев, что весьма уместно для жанра трагедии.

По мере исследования текста поэмы «Нарспи» раскрываются мифологические представления народа. Оживает различная магия. Видишь, как Бог и Солнце следят и направляют жизнь чувашского народа. Поэтому веришь в то, что предопределение, точнее Божья воля, подчиняет себе свободу человека, заставляет его верить в сакральное. Сильбияне при проведении обрядов, связанных с годовым и жизненными циклами, используют соответствующие ритуалы, словесность. Их действия, произносимые слова и жертвоприношения направлены на умиловление добрых и злых духов. Без этого, по их вере, может случиться несчастье.

Для создания трагической коллизии, объяснения судьбы героев поэт нередко использует подробное описание сакральных обрядов. Рассмотрим один из эпизодов. Когда начинают происходить трагические события, мать Сетнера идет к старику ворожею. Он чинно проводит свой обряд, показывает, что в совершаемых им действиях присутствует некая магия, волшебство. У греков подобные таинства совершали оракулы или жрецы. Ворожей – человек, который может объяснить, почему нечистый дух пристал к Сетнеру. Он может читать божьи знаки. В изображении убранства дома и портрета старика значима каждая деталь. Вот луч солнца пробирается через щель, падает на седую голову старика и освещает его лицо. Это сакральное действие помогает понять трагедию Сетнера – Солнце как бы говорит устами старика:

Ҙамки шӑтӑк – хупӑнмӑ,
Чӑри татӑк – сыпӑнмӑ [Там же, с. 122]. /

Лоб пробит, и в сердце рана,
К исцеленью нет пути.

Такова воля Бога. Согласно жанровым традициям трагедии произнесенные жрецом слова в нужный срок воплотятся в жизнь. Несмотря на то, что у юноши есть конь аргамак и две сильные руки, они ему не помогут. Подчинено законам трагедии и то, что в смерти Сетнера старик ворожей увидел Божий умысел. Автор в тексте поэмы называет Сетнера *мёскён* (слабый), далее называет его *чирлё* (больной от любви). Сетнер не борец за счастье и любовь. Нарспи сама встает на защиту своей чести и счастья. Ей не от кого и неоткуда ждать помощи. Таким образом, в действиях старика ворожей наблюдается настоящая мифологическая магия. Его психологическая функция заключается в усилении трагизма.

Также в описании приготовления отравленного супа Нарспи наблюдается глубокая связь сознания с добрыми и злыми силами мифологического мира, ощущение их присутствия и помощи. Нарспи читает слова заговора, чтобы яд наверняка подействовал. Для нее это весьма серьезное дело, ведь она готовится убить человека. Она старается умиловать магические духи и просит у них помощи. Здесь также налицо изображение психологизма трагедии: Нарспи ощущает себя на краю пропасти. Для нее нет другого пути. Тхтаман погибает от рук жены, но она еще не может вырваться на свободу. В лесу, когда она убегает из дома мужа, ее преследует «черная птица», кажется, что душа Тхтамана гонится за ней. «Для мифологического сознания реальным является то, что душа, отделившись от тела, начинает блуждать самостоятельно» [10, с. 144].

Таким образом, в ходе анализа поэтики мифологизма в произведениях К. Иванова мы пришли к следующим **выводам**. К. Иванов масштабно изображает чувашский мир, душу народа. Несмотря на своеобразную эпоху, в которой жил и творил поэт, его интересуют извечные вопросы человечества. Использование особенностей жанра романтической трагедии позволяет ему создать как бы новый миф о судьбе чувашского народа.

Поэт использует следующие мифологические мотивы: вражда между родственниками, параллельное описание жизни природы и жизни людей, вера в божий промысел и магию слова. К. Иванов изображает художественное время, близкое к мифологическому. Оно соответствует циклическому времени в природе. Художественное время лишено признаков конкретизации, реальности, историзма. Элементы мифологизма позволяют К. Иванову создать своеобразный художественный мир, усилить трагизм происходящих событий, воплотить традиции романтизма. Описание сакральных, магических действий, вместе с соответствующими им текстами, способствует созданию мифологической действительности в произведении, усилению веры в божий промысел.

В перспективе дальнейших исследований остается сравнительно-сопоставительный анализ поэтики мифологизма произведений К. Иванова с творчеством его современников, а также авторами региональной литературы.

Список источников

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 1998. 1244 с.
2. Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962. 489 с.
3. Иванов К. В. Сочинения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 256 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
5. Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
6. Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
7. Софронова И. В. Мотивы мифа о божественном ребенке в чувашской детской литературе // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 8 октября 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 245-250.
8. Хлебников Г. Я. Чувашская литературная классика и ее наследники: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 302 с.
9. Чекушкина Е. П. Паянхи чăваш прозинчи мифологизм паллисем // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: мат-лы XI Междунар. симпозиума. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2018. С. 166-171.
10. Чувашская мифология: этнографический справочник / сост. А. А. Антипина, Д. В. Егоров, В. А. Ендеров и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
11. Якимова Е. Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. мат-лов XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 133-136.

Mythopoetics in K. Ivanov's Creative Work

Artemyev Yuriy Mihaylovich, Dr
 Sofronova Irina Vladimirovna, PhD
 I. N. Ulyanov Chuvash State University
 yumartemyev@yandex.ru; muxtar2@yandex.ru

The research objective is to identify the role and place of mythopoetics in the Chuvash literary classic Konstantin Vasilievich Ivanov's works, to analyse his mythopoetical images and motives. Originality of the poet's mythopoetics is conditioned by specificity of his epoch, his artistic intentions. The researchers for the first time examine mythological elements functioning in K. Ivanov's creative work, identify their folkloric meaning, reveal motives for their usage, which constitutes scientific originality of the study. The conducted research allows concluding that mythological images use emphasizes psychologism of plots, situations, introduces elements of romanticism.

Key words and phrases: poem; K. Ivanov; mythology; tragedy; romanticism.